

НАШИ ДАТЫ

21

№5 (935) 26—28.01.2004 г.

Новая газ.

Восьмидесятилетие со дня смерти Ленина большинство изданий — и мы не исключение (см. № 3 «Новой») — отметили в основном пикантными, а то и скабрёзными публикациями.

Между тем невозможно отрицать историческую роль, так же как не замечать трагическую развязку деяний этого человека.

Как известно, оттепель 1960-х прошла под лозунгом восстановления «ленинских норм». И немудрено, что наши шестидесятники, сорвавшие цветы этой оттепели, долго относились к Ленину как к апостолу «единственно верного и всеисильного» учения. А потом их глазам начала открываться правда...

Евгений Евтушенко — не только один из «главных» шестидесятников, но и автор поэмы о Ленине «Казанский университет», в годы написания балансировавшей на грани крамолы.

Нам показалось интересным узнать, что сегодня думает поэт о вожде мирового пролетариата.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Тоталитаризм начался с тире

Ленин был сам предателем ленинских идеалов

Вернувшись из концентрационного лагеря, поэт-диссидент Юрий Даниэль, в защиту которого я выступил во время мракобесного процесса над ним в 1966 году, рассказал мне, что многие цитаты из моей поэмы «Казанский университет» были выцарапаны гвоздем или тайно спрятанным ножом на стенах уборных для заключенных, как, например: «В дни, духовно крепостные, / в дни, когда просвета нет, / тюрьмы — совести России / главный университет».

Я горжусь тем, что принадлежу к шестидесятиникам — поколению Сахарова, Гайдара, Ландау, Ефремова, Баталова, Смоктуновского, Тарковского, Рязанова и всей нашей поэтической плеяды. Но у многих из нас были временные иллюзии, от которых мы постепенно избавлялись, за что нас порой упрекали в хамелеонстве наши отечественные бароны Гринвальдусы, которые замаскированно или явно «все в той же позе сидят на тех же самых камнях».

Возвращавшиеся из лагерей чудом уцелевшие свидетели самогеноцида открывали нам глаза на то, что происходило в тюрьмах и за колючей проволокой. Не обладая знанием деталей истории, умело припрятываемых в архивах, особенно ИМЛ, мы начали бороться с «наследниками Сталина», противопоставляя ему якобы демократического Ленина.

Работая в архивах города Казани над поэмой о Ленине, я нашел драгоценную папку доносов в полицейское управление на семнадцатилетнего студента — Володю Ульянову. В одном из них описывалась следующая картина: после казни его любимого старшего брата-террориста студенты, соболезнующие младшему брату, загладили его в дешевую пивную и дали ему полный двухсотграммовый стакан водки. Володя осушил его почти невидяще и неслышаще, как сомнамбула, после чего ему заботливо поднесли на записку кружку пива и дали куснуть соленый огурец с черным хлебом. К Володе подсели два местных шлюхи. Они всплакнули, как могли, утешали Володю, гладили его по голове, но он ничего не замечал и только, уставясь в одну, видимую только ему точку, повторял: «Я отомщу за брата! Я отомщу за брата!». В другом доносе описывалось, что, когда другие студенты отвели его домой в этом загипнотизированном одной мыслью состоянии, он сорвал со стены карту России, бросил на пол и, рыча, как затравленный зверек, катался по ней, рвал ее руками и зубами.

Интересно, что Пастернак, который не мог читать этих доносов, в 1917 году в своем раннем, до сих пор малоизвестном стихотворении описал возвращение Ленина, полного торжествующими мыслями, что наконец-то настала пора отмщения за любимого брата.

Итак, кому же на самом деле отомстил Володя Ульянов, ставший Лениным? Его три магически точных лозунга

Тофик ШАХВЕРДИЕВ

подкупили сердца народа, измученного бессмысленной Первой мировой войной: «Мир — народам! Землю — крестьянам! Фабрики — рабочим!». Но Первая мировая превратилась в кровавую гражданскую, собственником земли и фабрик стали не крестьяне и рабочие, а государство, отбравшее у крестьян даже внутреннее паспорта и практически закрепощившее их, так же как оставившее рабочих безо всяких профсоюзных и политических прав. Это была диктатура бюрократии, а не пролетариата, и она окончательно укрепились при Сталине, но началась уже при Ленине.

Иллюзия нашего поколения шестидесятников заключалась в том, что мы боролись с «наследниками Сталина», считая Сталина предателем ленинских идеалов. Но Ленин, может быть, сам не понимая того, стал первым предателем ленинских идеалов, ибо не выполнил ни одного из трех первых большевистских лозунгов, которые, обманув народ, и привели горстку большевиков к власти.

Ленин, а не Сталин, подписал декрет о создании первого в Европе концентрационного лагеря для инакомыслящих в Соловках еще в 1918 году. Сталин был отцом ГУЛАГа, но дедушкой был Ленин.

Те, кто не избавился от иллюзий по поводу Ленина, должны прочесть хотя бы крошечный сборник его цитат, составленный Венедиктом Ерофеевым: «Моя маленькая лениниана». Это самое быстродействующее лекарство от идеализации Ленина. Всем рекомендую.

Это Ленин написал Дзержинскому записку, где посоветовал «арестовать 30—40 профессоров», чтобы навести порядок. Этот знак тире и есть начало тоталитаризма.

Ленин посоветовал Сталину во время гражданской войны пригрозить ца-

рицынским телефонисткам расстрелом, если слышимость разговоров между Москвой и Царицыным не улучшится.

Это Ленин давал указание беспощадно расстреливать и вешать крестьян, которые прятали от большевистской конфискации семенное (! — Е.Е.) зерно. А как же иначе они могли выжить?

На Ленине ответственность за голод в Поволжье, когда люди начали пожирать друг друга, так же как на Сталине — за голодомор во время насильственной коллективизации на Украине.

Мой отец, геолог, еще в сталинское время сказал мне слова, которые я спрятал в своем сердце, хотя по правилам сталинской морали должен был донести на своего отца в НКВД: «У нас нет никакого социализма. У нас государственный капитализм».

Все, что основано на насилии, на крови, рано или поздно разваливается. Ленин, поняв это под конец жизни, ужаснулся тому, к чему привела его «месь за брата», но он уже не мог остановить своего, к несчастью, верного ученика, политически парализовавшего своего уже физически парализованного учителя.

Тем не менее многие наши соотечественники до сих пор на демонстрациях носят портреты Ленина и Сталина. Этого не надо запрещать. Многие рядовые коммунисты и у нас, и во всем мире были прекрасными, но обманутыми людьми.

Не бойтесь менять мнение о чем-либо или о ком-нибудь в истории, если у вас наконец-то открываются глаза. Хамелеонство и эволюция — это разные вещи. Прошлое может быть учителем драгоценным, но может быть и учителем самым опасным.